

О СРЕДНИХ ВЕКАХ¹

¹ Лекция впервые опубликована в Журнале Министерства Народного Просвещения в 1834 году (Часть III): Вступительная лекция, читанная в С.-Петербургском Университете Адъюнкт-Профессором Н. Гоголем.

Н.В. Гоголь

Приступая к чтению моих лекций Истории Средних Веков, я необходимо должен прежде всего изъяснить вам истинное достоинство её. Никогда История мира не принимает такой важности и значительности для нас, как в это время, несмотря на то что его часто почитают мелким и безынтересным. Все события мира, приближаясь к этим векам, после долгой неподвижности текут с усиленною быстротою, как в пучину, как в мятежный водоворот, и, закружившись в нём, перемешавшись, переродившись, выходят свежими волнами. В них совершилось великое преобразование всего мира; они составляют узел, связывающий мир Древний с Новым; им можно назначить то же самое место в Истории человечества, какое занимает в устроении человеческого тела сердце, к которому текут и от которого исходят все жилы. Как совершилось это всемирное преобразование? Какие удержались в нём старые стихии? Что прибавлено нового? Каким образом они смешались? Что произошло от этого смешения? Как образовалось величественное, стройное здание Веков Новых? — Это такие вопросы, которым равные по важности едва ли найдутся во всей Истории. Всё, что мы имеем, чем пользуемся, чем можем похвалиться перед другими веками, всё устройство и искусное сложение наших административных частей, все отношения разных сословий между собою, самые даже сословия, наша Религия, наши права и привилегии, нравы, обычаи, самые знания, совершившие такой быстрый прогрессивный ход, — всё это или получило начало и зародыш, или даже развилось и образовалось в тёмные, закрытые для нас Средние Века. В них первоначальные стихии и фундаменты всего нового; без глубокого и внимательного исследования их не ясна, не удовлетворительна, не полна Новая История; и слушатели её похожи на посетителей фабрики, которые изумляются быстрой отделке изделий, совершающейся почти перед глазами их, но позабывают заглянуть в тёмное подземелье, где скрыты первые всемогущие колёса, дающие толчок всему: такая История похожа на статую художника, не изучившего Анатомии человека.

Отчего же, несмотря на всю важность этих необыкновенных Веков, всегда как-то неохотно ими занимались? Отчего, приближаясь к ним, всегда спешили скорее пройти их и отделаться от них? Отчего редкие, очень редкие возлагали на себя труд разрешить некоторые из приведённых мною вопросов? Отвечать на это не трудно: Средней Истории назначали самое низшее место. Время её действия считали слишком варварским, слишком невежественным, чтобы заняться им. Но если бы это обвинение было вполне справедливо, то и тогда ничем не оправдывается такое невнимание. Те же люди, которые так пренебрегали этими невежественными Веками, готовы были заплатить Бог знает что за одну искру сведений о первоначальных временах Древнего мира, которые были так же невежественны, как и первоначальные времена Веков Средних, имеющих на своей стороне перевес близостью родственных уз с нами. Назвать же их совершенно варварскими и невежественными — неосмотрительность непростительная, недальновидность, чтобы не сказать невежество. Самый процесс слияния двух жизней Древнего мира и Нового, это резкое противоречие их образов и свойств, эти дряхлые, умирающие стихии старого мира, которые тянутся по новому странству, как реки, впавшие в море, но долго ещё не сливающие своих пресных вод с солёными волнами; эти дикие, мощные стихии нового, упорно не допускающие к себе чуждого влияния, но наконец невольно принимающие его; это старание, с каким Европейские дикари кроют по своему Римское просвещение; эти отрывки или, лучше сказать, клочки Римских форм, законов, среди новых, ещё не определённых, не получивших ни образа, ни границ, ни

порядка; самый этот хаос, в котором бродят разложенные начала страшного величия нынешней Европы и тысячелетней силы её, — они все для меня занимательнее и более возбуждают любопытства, нежели неподвижное время всесветной Римской Империи под правлением её бессильных Императоров.

Другая причина, почему мало обращали внимания на Историю Средних Веков, это — мнимая сухость, которую привыкли сливать с понятием о ней. На неё глядели, как на кучу происшествий нестройных, разнородных, как на толпу раздробленных и бессмысленных движений, не имеющих главной нити, которая бы совокупляла их в одно целое. Мнения этого я не почитаю стоящим возражения: несообразность его видна сама собою. Рассматривайте внимательнее и глубже и вы найдёте и связь, и цель, и направление; но я не отрицаю также, что для самого умения найти всё это нужно быть одарену свыше тем чутьём, которым обладают немногие Историки. Этим немногим предоставлен завидный дар увидеть и представить всё в изумительной ясности и стройности. После их волшебного прикосновения происшествие оживляется и приобретает свою собственность, свою занимательность; без них оно долго представляется для всякого сухим и бессмысленным. Всё, что было и происходило, — всё занимательно, если только о нём сохранились верные летописи, выключая только разве совершенное бесстрашие народов; везде есть нить, как во всякой ткани есть основа, хотя она иногда совершенно бывает заткана утком; как в лучистом камне невидимый свет, который он отливает, только будучи обращён к солнцу, — она исчезает только с утратою известий. Так и в первоначальных веках Средней Истории сквозь всю кучу происшествий невидимую нитью тянется постепенное возрастание Папской власти и развивается Феодализм. Казалось, события происходили совершенно отдельно и блеском своим затемняли уединённого, ещё скромного Римского Первосвященника; действовал сильный Государь, или его Вассал, и действовал лично для себя, а между тем существенные выгоды незаметно текли в Рим. И всё, что ни происходило, казалось, нарочно происходило для Папы. Гильдебрант только отдёрнул занавес и показал власть, уже давно приобретённую Папами.

История Средних Веков менее всего может назваться скучною. Нигде нет такой пестроты, такого живого действия, таких резких противоположностей, такой странной яркости, как в ней: её можно сравнить с огромным строением, в фундаменте которого улёгся свежий, крепкий как вечность гранит, а толстые стены выведены из различного старого и нового материала, так что на одном кирпиче видны Готфские руны, на другом блестит Римская позолота; Арабская резьба, Греческий карниз, Готическое окно — всё слепилось в нём и составило самую пёструю башню. Но яркость, можно сказать, только внешний признак событий Средних Веков; внутреннее же их достоинство есть колоссальность исполинская, почти чудесная, отвага, свойственная одному только возрасту юноши, и оригинальность, делающая их единственными, не встречающими себе подобия и повторения ни в древние, ни в новые времена.

Бросим взгляд на те из событий, которые произвели сильное влияние. Главный сюжет Средней Истории есть Папа. Он — могущественный обладатель этих молодых веков, он движет всеми силами их и, как громовержец, одним мановением своим правит их судьбою. Словом, вся Средняя История есть История Папы. Его непреодолимое желание властвовать, его постоянные средства, исполненные проницательности и мудрости, — следствия старческого возраста; его деспотизм и деспотизм бесчисленных легионов его могущественного Духовенства — ревностных подданных духовного Монарха, наложивших свои железные оковы на все углы мира, куда ни проникло знамение Креста, — представляют явление единственное, колоссальное и не повторявшееся никогда. Не стану говорить о злоупотреблении и о тяжести оков духовного деспота. Проникнув более в это великое событие, увидим изумительную мудрость Провидения: не схвати эта всемогущая власть всего в свои руки, не двигай и не устремляй по своему желанию народы — и Европа рассыпалась бы, связи бы не было; некоторые Государства поднялись бы, может быть, вдруг и вдруг бы развратились; другие сохранили бы дикость свою на гибель соседям; образование и дух народный разлились бы неровно; в одном уголку выказывалось бы образование, в другом бы чернел мрак варварства; Европа бы не устоялась, не сохранила того равновесия, которое так удивительно её содержит;

она бы долее была в хаосе, она бы не слилась железною силою энтузиазма в одну стену, устранившую свою крепостью Восточных завоевателей и, может быть, без этого великого явления Европа уступила бы их напору, и Магометанская Луна горделиво вознеслась бы над нею, вместо Креста. Невольно преклонишь колена, следя чудные пути Провидения: власть Папам как будто нарочно дана была для того, чтобы в продолжение этого времени юные Государства окрепли и возмужали; чтобы они повиновались прежде, нежели достигнут возраста повелевать другими; чтобы сообщить им энергию, без которой жизнь народов бесцветна и бессильна. И как только народы достигли состояния управлять собою, власть Папы, как исполнившая уже своё предназначение, как более уже ненужная, вдруг поколебалась и стала разрушаться, несмотря на все сильные меры, на всё желание удержать гибнущие силы свои. Власть их в этом отношении была то же, что подмости и лес для постройки здания; вначале они выше и кажутся значительнее самого строения, но как только строение достигло настоящей высоты, они как ненужные принимаются прочь.

С мыслью о Средних Веках невольно сливается мысль о Крестовых Походах — необыкновенном событии, которое стоит как исполин в середине других, тоже чудесных и необыкновенных. Где, в какое время было когда-нибудь равное ему своею оригинальностью и величием? Это не какая-нибудь война за похищенную жену, не порождение ненависти двух непримиримых наций, не кровопролитная битва между двумя алчными властителями за корону или за клочок земли, даже не война за свободу и народную независимость. Нет! ни одна из страстей, ни одно собственное желание, ни одна личная выгода не входит сюда: все проникнуто одною мыслию — освободить гроб Божественного Спасителя! Народы текут с крестами со всех сторон Европы; Короли, Графы в простых власяницах; монахи, препоясанные оружием, становятся в ряды воинов; Епископы, пустынноики с крестами в руках предводят несметными толпами — и все текут освободить свою Веру. Владычество одной мысли объёмлет все народы. Нет ли чего-то великого в этой мысли? И напрасно Крестовые Походы называются безрассудным предприятием. Не странно ли было бы, если бы отрок заговорил словами рассудительного мужа? Они были порождение тогдашнего духа и времени. Предприятие это — дело юноши, но такого юноши, которому определено быть гением. А какие бесчисленные, какие удивительные и непредвиденные следствия Крестовых Походов! Нужно было всю массу образовать и воспитать, дать ей увидеть свет, который часто заслоняло от неё Духовенство: и вся масса извергается для того в другую часть Света, где потухающее Аравийское просвещение силится передать ей свой пламень, и — вся Европа вояжирует по Азии. Не вправе ли мы изумляться? Обыкновенно какой-нибудь выходец из земли образованной один приносит просвещение и первые сведения в неизвестную страну и постепенно образует дикарей; но образование это тянется медленно, неровно. Здесь же, напротив, народы сами всею своею массою приходят за образованием и, несмотря на долгое пребывание, не сливаются с своими учителями, ничего не перенимают у них роскошного и развратного, удерживают свою самобытность при всём заимствовании множества Азиатских обыкновений и возвращаются в Европу Европейцами, а не Азиатцами. Я уже не говорю о тех следствиях, тех переменах в феодальном правлении, для которых нужно было временное удаление многих сильных.

Но бросим взгляд на другие происшествия, наполняющие Среднюю Историю. Они хотя в сравнении с Крестовыми Походами могут почесться второстепенными, но тем не менее все исполнены чудесности, сообщающей Средним Векам какой-то фантастический свет, все — порождение юношества прекрасного, исполненного самых сильных и великих надежд, часто безрассудного, но пленительного и в самой безрассудности. Рассмотрим их по порядку времени; возьмём то блестящее время, когда появились Аравитяне — краса народов Восточных. И одному только человеку и созданной им религии — роскошной, как ночи и вечера Востока, пламенной, как природа, близкая к Индийскому морю, важной и размышляющей, какую только могли внушить великие пустыни Азии, — обязаны они всем своим блестящим, радужным существованием! С непостижимою быстротою они, эти смуглые чалмоносцы, воздвигают свои Калифаты с трёх сторон Средиземного моря. И воображение их, ум и все спо-

собности, которыми Природа так чудно одарила Араба, развиваются в виду изумлённого Запада, отпечатываясь со всею роскошью на их дворцах, мечетях, садах, фонтанах, и так же внезапно, как в их сказках, кипящих изумрудами и перлами Восточной Поэзии. Век вперёд — и уже он исчез, этот необыкновенный народ, так что в раздумьи спрашиваешь себя: точно ли он жил и существовал, или он — самое прекрасное создание нашего воображения?

Как чудесно и какой сильной исполнено противоположности появление Норманнов — народа, который гневным Севером свирепо выброшен из ледяных недр его! Горсть людей дерзких, за которыми как будто гонятся по пятам мрачный их Один и снеговые горы Скандинавии, наводит панический страх на обширные Государства! По Северному океану плывут их движущиеся Королевства под начальством морских своих Королей, — и всё падает ниц перед этими малолюдными пришельцами, воспитанными бурей, морями, страшною бедностью Скандинавии и дикою религиею.

Колоссальные завоевания и распространение Монголов были также делом почти сверхъестественным. Необъятная внутренность Азии, которая была скрыта от глаз всех народов, осветилась в самом страшном величии. Эти степи, которым нет конца, озёра и пустыни исполинского размера, где все раздалось в ширину и беспредельную равнину, где человек встречается как будто для того, чтобы собою увеличить ещё более окружающее пространство; степи, шумящие хлебом, никем не сеянным и не собираемым, травую, почти равняющуюся ростом с деревьями, степи, где пасутся табуны и стада, которых от века никто не считал, и сами владельцы не знают настоящего количества, эти степи увидели среди себя Чингис-Хана, давшего обет перед толпами своих узкоглазых, плосколицых, широкоплечих, малорослых Монголов завоевать мир, и — многолюдный Пекин горит целый месяц, миллион народа выстреливается Монгольскими стрелами, Государь Тунгусский гибнет с сотнями тысяч поданных на замёрзшем озере, стада пригоняются к границам Индии, табуны кишат при Волге. Словом, как будто на их завоеваниях отразилась колоссальность Азии. Такого быстрого распространения тоже не видала ни Древняя, ни Новая История.

Я уже ничего не говорю о важной торговле Венеции — этого небольшого лоскутка земли, которую всю занимал один город, и город без Государства, выжимая золото со всего мира, и коего царственные купцы с своими кораблями, горделиво объездившими все моря, и дворцами при Адриатическом море далеко превосходили многих Монархов. Этого явления я не считаю единственным и необыкновенным. Они повторяются в Истории мира часто, хотя в других формах и с разными изменениями. Несравненно оригинальнее жизнь Европы во время и после Крестовых Походов, когда в ней всё ещё тёмны и неопределённые границы Государств; когда ещё Государь звучит одним именем своим, и вместо того миллионы владельцев, из которых каждый — маленький Император в своей земле; когда вся Европа облекается в неприступные замки с башнями и зубцами, и твёрдые крепости усеивают её поверхность; когда воспитанная взаимным страхом и битвами сила рыцарей делается почти львиною и заковывается с ног до головы в железо, тяжести которого ещё не выносил человек, и грубо, независимо развивается самостоятельная гордость души. Казалось, эта дикая храбрость должна бы совершенно закалить их и сделать так же бесчувственными, как непроницаемые их латы. Но как удивительно они были укрощены, и таким явлением, которое представляет совершенный контраст с их нравами! Это всеобщее беспредельное уважение к женщинам. Женщина Средних Веков является божеством; для ней турниры, для ней ломаются копья, её розовая или голубая лента вьётся на шлемах и латах и вливает сверхъестественные силы; для ней суровый рыцарь удерживает свои страсти так же мощно, как арабского бегуна своего, налагает на себя обеты изумительные и неподражаемые по своей строгости к себе, и все для того, чтобы быть достойным повергнуться к ногам своего божества. Если эта возвышенная любовь изумительна, то влияние её на нравы и того более. Всё благородство в характере Европейцев было её следствием. А вся эта странническая жизнь, которая обратила всю Европу в какую-то движущую столицу, доставившая тысячу опытов и приключений каждому и произведшая впоследствии в Европейцах жажду к открытию новых земель! Как самые их взаимные брани и битвы, вечно беспокойное положение, вместо того чтобы ослабить всеобщий дух и напря-

жение, как то обыкновенно делается в периодах Истории, когда роскошь разъедает раны нравственной болезни народов и алчность выгод личных выводит за собою низость, лесть и способность устремиться на все утончённые пороки, — вместо этого они только укрепили и развили их! Пороки народов образованных не смели коснуться рыцарства Европы. Казалось, Провидение бодрствовало над ним неусыпно и с заботливостью преданного наставника берегло его. Едва только возникли улучшения для жизни, которые подносили Венеция и Ганза, и начали отдалять рыцарей от их обетов и строгой жизни, подогревать желание наслаждений и уменьшать энтузиазм религиозный, как появившиеся чудные, небывалые никогда дотоль Общества стали грозными соглядатаями, неумолимою совестью перед народами Европы. Никогда История не представляла Обществ, связанных такими неразрывными узами, как эти Духовные Ордена рыцарей. Ничего для своей пользы или для своего существования, что всегда составляло цель Обществ! Уничтожить всё, что составляет желание человека, и жить для всего человечества; жить, чтобы быть грозными хранителями мира, чтобы носить в себе одно: защиту Веры Христовой; всё принести ей в жертву и отказаться ото всего, что отзывается выгодой жизни! Не чудесно ли это явление! Эта энергия и сила для него могла быть только вычерпнута из Средних Веков. И только Ордена рыцарские стали уклоняться от своей цели и обращать глаза на другие, как только начали заражаться желанием добычи и корысти, и роскошь заставляла их живее привязываться к собственной жизни, и они стали походить сами на тех, за которыми наложили на себя сами же смотрение, — как возникают уже страшные Тайные Суды, неумолимые, неотразимые, как высшие предопределения, являющиеся уже не совестью перед ветреным миром, но страшным изображением смерти и казни. Ни сила, ни обширные земли, ни даже самая корона не спасают от них и не отменяют произнесённого ими приговора. Незнаемые, невидимые как судьба, где-нибудь в глуши леса, под сырым сводом глубокого подземелья, они взвешивали и разбирали всю жизнь и дела того, которому посреди необъятных своих земель и сотни покорных Вассалов и в мысль не приходило, есть ли где в мире власть выше его. И если эти подземные судьи раз произносили обвиняющее слово — всё кончено. Напрасно Властитель грозою могущества своего затрудняет к себе приближение, напрасно его золото залепляет уста и заставляет всех прославлять его — неумолимый кинжал настигает его на конце мира, крадётся мимо пышной толпы придворных и разит его из-за плеча друга. Не составляет ли это чудесности почти сказочной? Только там так быстро, так неотразима, так сверхъестественно действует человек, не знающий, что такое слово: невозможность.

А самый образ занятий, царствовавший в середине и конце Средних Веков, — это всеобщее устремление всех к чудесной Науке, это желание выпытать и узнать таинственную силу в Природе, эта алчность, с какою все ударились в волшебство и чародейственные Науки, на которых ясно кипит признак Европейского любопытства, без которого Науки никогда бы не развились и не достигли нынешнего совершенства! Самая даже простодушная вера их в Духов и обвинения в сообщении с ними имеют для нас уже необыкновенную занимательность. А занятия Алхимиею, считавшеюся ключом ко всем познаниям, венцом учёности Средних Веков, в которой заключилось детское желание открыть совершеннейший металл, который бы доставил человеку всё! Представьте себе какой-нибудь Германский город в Средние Века, эти узенькие, неправильные улицы, высокие, пёстрые готические домики и среди них какой-нибудь ветхий, почти валяющийся, считаемый необитаемым, по растреснувшимся стенам которого лепится мох и старость, окна глухо заколочены — это жилище Алхимика. Ничто не говорит в нём о присутствии живущего, но в глухую ночь голубоватый дым, вылетая из трубы, докладывает о неусыпном бодрствовании старца, уже поседевшего в своих исканиях, но всё ещё неразлучного с надеждою, — и благочестивый ремесленник Средних Веков со страхом бежит от жилища, где, по его мнению, Духи основали приют свой, и где вместо Духов основало жилище неугасимое желание, непреборимое любопытство, живущее только собою и разжигаемое собою же, возгорающееся даже от неудачи — первоначальная стихия всего Европейского духа, — которое напрасно преследует Инквизиция, проникая во все тайные мышления человека: оно вырывается мимо и, облечённое страхом, ещё с большим наслаж-

дением предаётся своим занятиям.

А самая Инквизиция? Какое мрачное и ужасное явление! Инквизиция свирепая, слепая, владевшая бесчисленными сводами и подземельями монастырей, не верящая ничему, кроме своих ужасных пыток, на которых человек показал адскую изобретательность; Инквизиция, выпускавшая из под монашеских мантий свои железные когти, хватавшие всех без различия, кто только ни предавался странному и необыкновенным занятиям; подтвердившая великую истину, что если может физическая природа человека, доведённая муками, заглушить голос души, то в общей массе всего человечества душа всегда торжествует над телом.

Не единственны ли все эти явления? Не дают ли они права назвать Средние Века веками чудесными? Чудесное прорывается при каждом шаге и властвует везде, во всё течение этих юных десяти веков; юных потому, что в них действует всё молодое, кипящее отвагою, порывы и мечты, не думавшие о следствиях, не призывавшие на помощь холодного соображения, ещё не имевшие прошедшего, чтобы оглянуться. Всё было в них — поэзия и безотчётность. Вы вдруг почувствуете перелом, когда вступите в область Истории Новой. Перемена слишком ощутительна, и состояние души вашей будет похоже на волны моря, прежде воздымавшиеся неправильными, высокими буграми, но после улёгшиеся и всю свою необозримую равнину мерно и стройно совершающие правильное течение. Действия человека в Средних Веках кажутся совершенно безотчётны; самые великие происшествия представляют совершенные контрасты между собою и противоречат во всём друг другу; но совокупление их всех вместе, в целое, являет изумительную мудрость. Если можно сравнить жизнь одного человека с жизнью целого человечества, то Средние Века будут то же, что время воспитания человека в школе. Дни его текут незаметно для света, деяния его не так крепки и зрелы, как нужно для мира; об них никто не знает: но зато они все — следствие порыва и обнажают за одним разом все внутренние движения человека, и без них не состоялась бы будущая его деятельность в кругу общества.

Теперь рассмотрите, между какими колоссальными событиями заключается время Средних Веков: великая Империя, повелевавшая миром, двенадцативековая нация, дряхлая, истощённая, падает; с нею валится полсвета, с нею валится весь Древний Мир с полуязыческим образом мыслей, безвкускими Писателями, гладиаторами, статуями, тяжестью роскоши и утончённостью разврата. Это их начало. Оканчиваются Средние Века тоже огромнейшим событием или, лучше сказать, целою оглушающею массою событий: всеобщим взрывом, поднимающим на воздух всё и обращающим в ничто все страшные власти, так деспотически их обнявшие. Власть Папы подрывается и падает, власть невежества подрывается, сокровища и всемирная торговля Венеции подрываются, и когда всеобщий хаос переворота очищается и проясняется, пред изумлёнными очами являются: Монархи, держащие мощною рукою свои скипетры; корабли, расширенным взмахом несущиеся по волнам необъятного Океана мимо Средиземного моря; в руках у Европейцев вместо бессильного оружия — огонь; печатные листы разлетаются по всем концам мира; и всё это результаты Средних Веков. Сильный напор и усиленный гнёт властей, казалось, были для того только, чтобы сильнее произвести всеобщий взрыв. Ум человека, задвинутый крепкою толщею, не мог иначе прорваться, как сбравши все свои усилия, всего себя. И оттого-то, может быть, ни один век не представляет таких гигантских открытий, как XV; век, которым так блистательно оканчиваются Средние Века, величественные, как колоссальный готический храм, тёмные, мрачные, как его пересякаемые один другим своды, пёстрые, как разноцветные его окна и куча разных украшений, возвышенные, исполненные порывов, как его летящие к небу столпы и стены, оканчивающиеся мелькающим в облаках шпирцем.